

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Жигульского Андрея Владимировича
«Взаимоотношения власти и общества в 1930-е годы (на материалах
Тамбовского региона)», представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 –
отечественная история**

Тридцатые годы XX столетия представляют собой интересный период для исследования как годы зрелого постреволюционного режима, как годы формирования сталинской диктатуры. Взаимоотношения власти и общества в этих условиях – один из ключевых сюжетов для понимания эпохи. Рассмотрение данной темы на региональном уровне – пока еще относительная редкость. Поэтому научная актуальность избранной Андреем Жигульским темы исследования не вызывает сомнений.

Диссертант разумно предлагает свое понимание «власти» и «общества» (с.14), что позволяет ему в дальнейшем выстраивать работу в единой логике.

А. Жигульский дает широкий обзор литературы по теме своего исследования, демонстрируя понимание смысла и знание предшествующего развития «устной истории» (с.8). Диссертант показывает, что попытки осмыслить отношения власти и общества, различных его групп, власти и обывателя становятся все более настойчивыми в последние два десятка лет. В обзоре видно умение критически воспринимать работы предшественников (см., например, с.6). Исследователь демонстрирует хорошее знание научной литературы по ряду сопряженных тематик: гражданской и политической истории советского периода, истории общественных настроений, истории повседневности. Соискатель использует значительный массив диссертационных исследований, защищенных в постсоветские десятилетия и посвященных широкому кругу сюжетов: политическому контролю и репрессивной политике в СССР, социально-политическому и социально-экономическому развитию, повседневности 1930-х гг. и другим сопряженным темам, что демонстрирует ответственное отношение к исследованию.

Обращает на себя внимание нетривиальная методологическая база: соискатель использует возможности информационных технологий и математический метод, стремясь надежно зафиксировать и наглядно продемонстрировать перемены в восприятии населением власти в ее различных ипостасях.

Автор сдвигает фокус внимания на восприятие современниками такого классического для исследования сюжета, как «власть и общество». Это положение зафиксировано в формулировках объекта и предмета исследования. Данному подходу соответствует источниковая база. Она представлена мощным массивом документов личного происхождения. Диссертант привлекает значительный объем опубликованных документов, широко использует фонды тамбовских архивов, один из крупных фондов РГАЭ. Следует выделить привлечение более 200 частных свидетельств

жителей региона, записанных разновременно, из личного архива В.Л. Дьячкова. Студенты Тамбовского университета за много лет собрали значительный массив документов личного характера, который широко используется исследователем. Такого рода материал всегда дает богатую пищу для сравнения с информацией официального характера. Соискатель грамотно организует собранные сведения, привлекая современные информационные возможности, что следует отметить как достижение автора и сильную сторону диссертации.

Диссертант знает не только законодательство изучаемого периода, но и правоприменительную практику и ее особенности в регионе, что нашло отражение в параграфе 2.3.

Тематика «народа и власти» относится к разряду извечных и включает большое количество конкретных сюжетов и исследовательских дискурсов. Автор выбирает целый ряд магистральных сюжетов. Охарактеризовать их позволяет структура диссертации. В ней три главы. В первой речь идет о структуре власти в регионе, во второй описаны и оценены действия властей по основным направлениям – коллективизация, поведение в голодные годы, репрессивная политика, третья посвящена оценкам власти и ее отношениям с обществом в источниках личного происхождения. Автор вполне справедливо пишет о милитаризации управления в стране (с.27) и оценивает следствия из этого обстоятельства. Он правильно отмечает сопротивление крестьян ликвидации в 30-е гг. земельной общины и значимость этого обстоятельства (с.34). Самостоятельное значение имеет параграф 1.2, содержащий набор важных характеристик представителей власти, в том числе и такого продукта кадровой интервенции в регион, как двадцатипятипятитысячники. Диссертант стремится нарисовать коллективный портрет тех или иных категорий управляющих 1930-х годов. На с.66 – 69 дается сравнение личного состава органов ОГПУ и милиции и делается вывод о том, что милиция была в большей степени укомплектована выходцами из села и в этом смысле была ближе к населению, чем сотрудники ОГПУ. Вывод по этому обширному параграфу на с.83 касается более активного политического участия крестьян по сравнению с годами нэпа. Данное наблюдение включается в большой разговор о том, кто выиграл от революции, было ли в числе получивших дивиденды жестоко переформатированное крестьянство, как сами крестьяне (или недавние крестьяне) оценивали свою жизнь в 1930-е годы.

Соискатель показывает, что значительные пласты населения не рефлексировали по поводу верховной власти, отчасти из-за погруженности в личные проблемы и невысокий уровень образования, отчасти в силу отсутствия возможностей для сравнения, - последнее касалось молодых поколений. Очевидна и разница в восприятии власти со стороны сельских и городских жителей.

Диссертант неоднократно подчеркивает важность учета субъективных характеристик восприятия жизни в целом, власти центральной и местной людьми разного возраста, оценивающими события с разной временной

дистанции, наконец, городскими жителями и сельскими. Данные различия действительно важны при попытках выстроить общую картину взаимоотношений власти и общества, и соискатель демонстрирует понимание сложности поставленной задачи. Он старается рассмотреть разные уровни власти, разные группы населения в динамике их взаимоотношений. Значительная роль в социалистических преобразованиях многочисленных молодых генераций замечается автором. Текст диссертации содержит интересные подробности, например, о роли комсомольцев в коллективизации и их взаимоотношениях с родителями (с.92). Не остался без внимания гендерный аспект. Исследователь показывает, что сдерживающим фактором в репрессиях против женщин служило опасение повторения массовой беспризорности. При этом верующие женщины стали основной категорией, на которую обрушивались репрессии (с.138 – 139).

Соискатель восстанавливает реалии изучаемых лет, описывая много характерных особенностей и деталей: партийные чистки и проверки, «налеты» «легкой кавалерии», взаимоотношения разных ведомств, борьбу за квалифицированных сотрудников и мн. др. В соответствии с поставленной целью, автор стремится увидеть все это и глазами тогдашнего обывателя, обильно цитируя материалы личного происхождения. В диссертации много частных интересных наблюдений, которые автор не забывает интерпретировать. Так, снижение с началом голода количества жалоб от колхозников (с.121 – 122) связывается с переходом к самостоятельному выживанию, без надежды на государственную помощь.

Параграф 2.4. демонстрирует сформированную во многом усилиями власти разницу в уровне и характере жизни в городе и деревне. Этой разницей предопределялись и жизненные стратегии многих людей. Интересна информация о налогах и отношении к ним в деревне; А. Жигульский обнаруживает знание тонкостей налогообложения эпохи, в частности, описывает деятельность Бюро выборов почтовых переводов (с.148).

Ряд частных выводов и соображений диссертанта может вызвать дискуссию. Парадоксом выглядит тот факт, что в 1933 г., после чудовищной коллективизации, на фоне голода, доля крестьян в ВКП(б) составила почти 70% (с.81) Уместно задаться вопросом: это крестьяне или бывшие крестьяне, которые стремились вырваться из крестьянского положения и не ассоциировали себя со своим классом? Автор полагает, что ведущим мотивом был классический мотив самозащиты и обретения дополнительных возможностей в трудной жизни. Можно полагать, что наряду с этим, формально крестьянское происхождение скрывает тех, кто не был и не чувствовал себя крестьянином. Интересным представляется соображение А. Жигульского о том, что идея социальной поддержки со стороны государства высоко ценилась низами, так как в царское время сама эта идея считалась «баловством» (с.186). В то же время до революции существовали иные, негосударственные, пути развития социальной поддержки,

благотворительность, например, так что жестко противопоставлять наличие социальной поддержки в СССР ее отсутствию до 1917 г. вряд ли правомерно. На с.179 диссертант делает такое заключение: «То, что веками воспитывалось в русском человеке, легко переносилось в новую систему ценностей. Вековая привычка к повиновению, слабое развитие личного сознания, жажда свободы, непринужденность жизни в коллективе, «в службе и тягле» – вот, что роднит советского гражданина с человеком XVIII и XIX века». Приведенное наблюдение может вызвать как возражения, так и уточнения. Так, рассуждения о «тягле» дают отсылку скорее к XVI – XVII вв. и, соответственно, позволяют вписывать новый строй в долгое российское историческое время и ставить под вопрос саму новизну «нового» строя. Подобные соображения раскрывают самостоятельность подхода и готовность рассуждать и делать нешаблонные выводы со стороны А. Жигульского.

Соискатель выстраивает в диссертации широкую картину жизни в 1930-е гг., затрагивает большое количество сюжетов, имеющих самостоятельную ценность, подкрепляет свои соображения сравнительными статистическими данными. В результате цель диссертации должна быть признана достигнутой.

При этом диссертации А. Жигульского, как всякому значительному труду, может быть адресован ряд упреков. Сразу отметим, что предлагаемые замечания не носят концептуального характера.

На наш взгляд, автор использует лексику изучаемого времени без должной критики. Так, вряд ли уместно использовать в авторском тексте жаргонные определения 1930-х гг. «перегиб» или «пережитки», или расширительно понимавшееся слово «спекуляция».

Безусловно, автору стоило использовать последние тома большого публикаторского проекта «Совершенно секретно! Лубянка – Сталину о положении в стране», посвященные 1930 – 1934 гг.

В диссертации заметен существенный дисбаланс между объемом параграфов, - от 15 страниц (параграф 2.3) до 45 (параграф 3.1).

Не всегда внятно названы рисунки. Например, рис.21: «Социальное происхождение как отношение местной власти» (?), так же как и рисунок 22.

Автореферат диссертации соответствует ее содержанию. Результаты диссертационного исследования представлены в 9 научных статьях соискателя, 4 из которых изданы в журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Исследование прошло достаточную апробацию: его результаты доложены на четырех конференциях разного уровня.

На основании проведенного анализа позволительно сделать вывод: диссертационная работа Андрея Владимировича Жигульского «Взаимоотношения власти и общества в 1930-е годы (на материалах Тамбовского региона)» полностью отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Содержание диссертации

соответствует специальности 07.00.02 – отечественная история; отвечает требованиям п. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание ученой степени кандидата наук. Автор диссертации – Жигульский Андрей Владимирович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата исторических наук.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории государства,
права и международных отношений
Поволжского института управления –
филиала РАНХ и ГС

А.В. Посадский

410028 Саратов, Бахметьевская, 12/16, кв. 25.

Тел. раб.: 8 (8452) 65 35 63.

Электронный адрес: Posadav68@mail.ru

Тел. моб.: 8 (987) 305 89 64

02.11.2018 г.

